



МАРК КУРЛАНСКИ

ТАВАНА

*Столица
парадокси*



Марк Курлански

Гавана. Столица парадоксов

«Азбука-Аттикус»

2017

УДК 910.4+394.014
ББК 63.3(7)+26.89(7)

Курлански М.

Гавана. Столица парадоксов / М. Курлански — «Азбука-Аттикус», 2017

ISBN 978-5-389-16012-5

Прославленный автор научно-популярных книг Марк Курлански написал портрет Гаваны с любовью и знанием дела, основываясь на множестве источников и на собственных впечатлениях. На протяжении 30 лет часто посещая этот город с 500-летней биографией, он живо подмечает происходящие здесь драматические изменения. Его книга посвящена истории, литературе, музыке, юмору, кулинарии кубинской столицы и связанным с ней личностям. Это дань уважения великому, но одетому в лохмотья городу. «О Гаване немало спорят, в том числе потому, что в Гаване противоречия – это стиль жизни. Впрочем, почти все соглашаются, что второго такого города нет на земле. Как же Гавана стала такой непохожей на другие города? Историки указывают на очередное восстание или бунт, создавшие облик города, но на самом деле главное качество Гаваны – это процесс изменения сам по себе. Такой истории потрясений и перемен нет ни у одного другого места на свете. Перемены – одно из фундаментальных условий здешней жизни». (Марк Курлански)

УДК 910.4+394.014
ББК 63.3(7)+26.89(7)

ISBN 978-5-389-16012-5

© Курлански М., 2017
© Азбука-Аттикус, 2017

Содержание

Пролог. Черно-белое великолепие	8
Один. Перемена	17
Два. Ненавистное море	20
Три. Опасности Черного города	28
Четыре. Огонь и сахар Сесилии	33
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Марк Курлански

Гавана. Столица парадоксов

Mark Kurlansky
HAVANA
A Subtropical Delirium

© Kurlansky Mark, 2017
© Kurlansky Mark, sketches, 2017
© Матвеева Е. В., перевод на русский язык, 2018
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа «Азбука-Аттикус», 2018
КоЛибри®

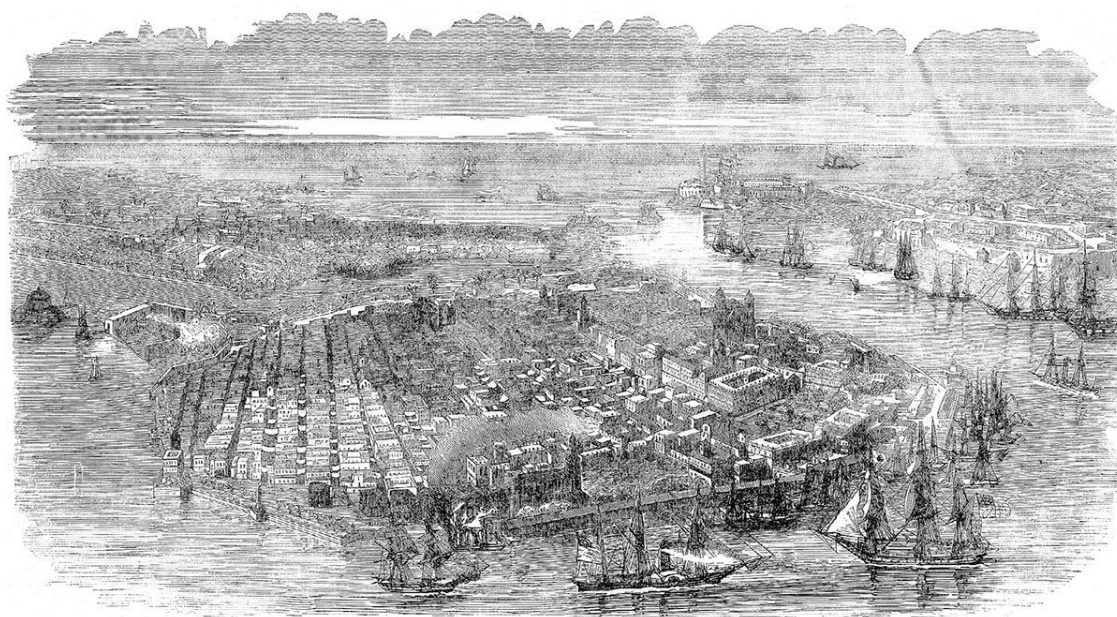
* * *

Кубинским писателям: тем, кто поддержал революцию, тем, кто выступил ее противником, и тем, кто сделал и то и другое

Esta especie de ensoñación o desvario subtropical, bajo el sol, al borde de la bahía hermosa, diabólicamente hermosa, abierta a las peligrosas aguas del golfo de México, atestadas de tiburones y de almas en pena.

Этот субтропический абсурд под солнцем, на краю прекрасной бухты, дьявольски красивый, открытый опасным водам Мексиканского залива, кишачим акулами и потерянными душами.

*Абилио Эстевес
Далекие дворцы
(Los Palacios Distantes), 2002*



Хабана-Вьеха, вид с моря. Из журнала Illustrated News, 23 июля 1853 г.

Пролог. Черно-белое великолепие

*El corazón es un loco
no sabe de un color.*

*Потеряло сердце разум,
Сердцу чужд единый цвет¹.*

*Хосе Марти
Простые стихи
(Versos Sencillos), 1891*

Если бы мне понадобилось снять старомодный фильм-нуар – с циничным сюжетом, полным интриг, насилия и неожиданных поворотов, разворачивающийся на темных и зловещих улицах в размытом черно-белом цвете, – я бы сделал это в Гаване.

Мое решение снимать в черно-белом может показаться неочевидным тем, кто знает Гавану. Кубинская столица – это карибский город с желтыми, розовыми и бирюзовыми зданиями на фоне жаркого лазурного неба и ярко-голубого моря с темной, всегда хорошо заметной кобальтовой полосой, прочерченной Гольфстримом².

Иногда, что чаще других подчеркивают американцы, море у Гаваны отражает небо за несколько секунд до рассвета и может казаться фиолетовым. Эрнест Хемингуэй, для которого слово «фиолетовый» было чересчур «цветочным»³, описывал Гольфстрим как «почти пурпурный». Но хабанерос – то есть жители Гаваны – склонны относиться к морю менее поэтично, и единственным, кто называл воды у Гаваны фиолетовыми, был гаванский поэт и писатель середины XIX века Хосе Лесама Лима, которому принадлежат такие строки:

Фиалковое море ждет рожденья
богов: родиться – несказанный праздник...⁴

Джон Мьюр, шотландец, ставший величайшим натуралистом Америки и, пожалуй, первым экологом, приехал на Кубу в 1868 году, в тот же год, когда он впервые увидел и прославил Йосемити⁵. Для Мьюра Гавана была желтым городом: «На одной стороне гавани стоял город этих желтых растений, с другой – город желтых отштукатуренных домов, тесно и бестолково скучившихся». Мьюр находил желтый повсюду. Холм, на котором Эль-Морро охраняет вход в гавань, по словам Мьюра, был покрыт желтыми сорняками.

Британский писатель Энтони Троллоп, оказавшийся в Гаване в 1859 году, также назвал ее «грязным желтым городишкой». И именно такой ее изобразил американский импрессионист Чайльд Гассам. Он был известен как великий колорист в Нью-Йорке, Новой Англии и Франции, но, приехав в Гавану в 1895 году, писал желтые здания, выцветшие до пастельных

¹ Перевод С. Александровского.

² Гольфстрим – теплое океанское течение, несущее воды Мексиканского залива на север Атлантики. Марк Курлански здесь и далее называет Гольфстримом Флоридский пролив, разделяющий Кубу и США. – *Здесь и далее, если не указано иное, примеч. ред.*

³ В английском языке одно слово («violet») обозначает и фиалку, и фиолетовый цвет.

⁴ Перевод Б. Дубина.

⁵ Йосемити – долина в Калифорнии, центральная часть одного из самых известных национальных парков США.

тонов в ослепительно жарком солнечном свете, – грязный желтый городишко. На его полотнах с Гаваной даже тени приглушены в пастельно-синий, а единственные насыщенные цвета – это красный и золотой испанского флага. Гассам обожал флаги.

Современный кубинский писатель Педро Хуан Гутьеррес, сознательно избегающий вычурности в лирике, для гаванского заката делает исключение, называя его «прекрасный золотой город в сумерках», и это правда, поскольку, когда солнечные лучи, пылая, падают на стены почти параллельно земле, Гавана – золотой город.

Федерико Гарсиа Лорку, великого испанского поэта, в Гаване любят за мальчишеский шарм и за то, что он встретил трагический конец – его расстреляли фашисты в начале гражданской войны в Испании. К трагическим смертям к Гаване всегда хорошо относятся. Но в 1930 году он написал: «...кадмий Кадиса здесь отдает пурпуром, роза Севильи – кармином, а гранадская зелень мягко светится рыбьими чешуйками»⁶.

Неужели все они видели тот же город, что и я?

* * *

Одна из причин, объясняющих разницу между впечатлениями этих авторов (по крайней мере, в их ранних работах) и моими, заключается в том, что в первый раз они Гавану увидели с моря.

Город расположен на северном побережье Кубы на крупном торговом пути, который соединяет Северную Америку и Европу, а также через Карибы ведет в Мексику и Южную Америку. Гавана и пуэрто-риканский Сан-Хуан, лежащий намного дальше от Северной Америки и Мексики, – единственные большие порты в этой части Атлантического океана. Большинство портов Карибского моря находятся на западной стороне своих островов, и корабли вынуждены пробиваться через предательские межостровные проходы, чтобы выйти в Атлантику.

Французы знали, где правильно разместить порт, и основали столицу того, что стало современным Гаити, в Кап-Аитьен, на атлантическом берегу, но после Гаитянской революции 1791–1804 годов столицей стал Порт-о-Пренс на карибском берегу. На Кубе же испанцы поначалу действовали не так и заложили столицу острова в Сантьяго, на карибской стороне, и только позднее перенесли ее на атлантический берег. Гавана обладает превосходным портом с длинным, узким проливом, ведущим к широкой и хорошо защищенной Гаванской бухте.

Эта бухта и ее береговая линия в старом районе города, который сегодня называется Старой Гаваной, Хабана-Вьеха (Havana Vieja), некогда составляли сердце столицы: то место, где сходил на сушу каждый вновь прибывший, где таможенные чиновники осматривали привезенные товары и где огромные запасы роскошного кубинского сахара и табака загружались на суда и уплывали за границу.

В опубликованном в 1937 году романе «Иметь и не иметь» – единственной книге Хемингуэя, действие которой происходит в Гаване, – сюжет разворачивается на восточном берегу Хабана-Вьеха с ее доками и складами, грузчиками, незамысловатыми барами и кафе.

В те времена прибрежный район населяла беднота, ищущая работу, уличные попрошайки, спавшие под стенами, моряки, бандиты и их кровожадные приспешники.

Туристам, посещающим отреставрированные колониальные памятники в старом городе, сегодня надо только повернуть направо и пройти квартал-другой, чтобы выйти к некогда знаменитому району. Но почти никто так не делает. Большинство туристов слабо ощущают близость берега и гавани. Бродяги, бандиты и большинство моряков тоже покинули эти места.

Сегодня люди прибывают самолетом, а потому им открывается совсем другой вид на город, нежели у тех, кто приплывал по морю. Вы летите над обширными, зелеными и тщательно

⁶ Из эссе «Поэт в Нью-Йорке», перевод Н. Малиновской.

ухажеными фермами за городом. Такси везет вас по ухабистой дороге мимо нескольких среднего размера многоэтажек, необычных для Гаваны, вроде крупной государственной психиатрической клиники, мимо зданий тускло-серого цвета либо с потеками ржавчины, бирюзовых, розовых – похожих на праздничные торты, если те слишком долго постоят. Через поразительно короткое время вы уже резво мчите – если у вас такси поновее, крепче – по изгибам прибрежной дороги, по Малекону в центральную часть Гаваны, достигая ее так быстро, что трудно поверить в два миллиона человек, официально населяющих город.

Почти отовсюду в городе виден океан, синий и пустой. Изредка появляется какое-нибудь судно – конечно, не прогулочное, но и не рыбацкое. Это кажется странным, поскольку очевидно, что рыба там есть. Темная полоса богатого рыбой Гольфстрима, многочисленные марлины⁷ которого так манили Хемингуэя, видна с берега. Мужчины и мальчики стоят вдоль прибрежной стены и удят рыбу. Иногда они выплывают на камерах от шин, чтобы добыть что-то покрупнее. Награда за это – *parro*, крупный местный окунь. Хемингуэй называл *parro* его американским именем – *muttonfish* – и говорил, что его хорошо ловить на скалах у Эль-Морро, замка, охраняющего бухту. Местные в качестве наживки используют мелкую рыбу или кальмаров, которых достают сетью. Но есть и масса других карибских видов, в большинстве своем это рифовые рыбы, у многих из них фольклорные имена вроде *pez perro*, лучеперый губан – глупого вида существо с выдвинутой вперед челюстью.

Но с лодок никто не рыбачит. Даже в соседнем Кохимаре, «рыбацком пригороде» Гаваны, лодок не видно, а те немногочисленные рыбаки, что остались, – пожилые; они уже не ловят, но они полны воспоминаний, в том числе и о рыбалке с Хемингуэем. Объяснения отсутствия лодок варьируются от дефицита топлива до теории, что все рабочие лодки уплыли во Флориду. Настоящая причина, вероятно, и впрямь связана с близостью города и Флориды, поскольку на южном берегу Кубы до сих пор базируется действующий рыболовецкий флот, только он сосредоточен на лобстерах и моллюсках.

Начиная с Кубинской революции 1959 года и последующего объявления Соединенными Штатами торгового эмбарго, морской трафик из Гаваны и в Гавану невелик. Даже в годы тесных связей Кубы и Советского Союза, когда регулярно приходили суда из Восточной Европы, ресурсов, чтобы создать суматоху старых времен, не было.

В итоге Гаванская бухта заросла илом и грязью и до середины 1980-х годов, когда Куба получила от ООН деньги на расчистку гавани, огромное количество мусора через реки и ливне-стоки попадало в ее воды. Бойни, фабрика дрожжей, две винокурни, кожевенный завод и пылающий нефтеочистительный завод в Регле на восточной стороне бухты способствовали загрязнению. Тридцать лет работ по очистке бухты тоже не привели к росту ее использования. Более того, после распада Советского Союза в 1991 году гавань стали использовать еще меньше.

Возможно, это изменится. Сразу после того, как в 2015 году президент Барак Обама объявил об оттепели в отношениях с Кубой, американские предприниматели стали предлагать планы по организации судоходства в Гавану, притом что торговое эмбарго никуда не делось. Все же маловероятно, что старая гавань и берега бухты снова станут тем, чем были раньше. Если бухта оживет, то, скорее всего, превратится в туристический порт, а не в коммерческий.

По правде говоря, то, что некогда было идеальной гаванью на Карибах, что когда-то вдохновило на постройку Гаваны, сегодня немного устарело. Во времена кораблей поменьше подобная гавань с узким проливом – всего метров триста шириной на протяжении почти километра, расширяющегося затем до нескольких квадратных километров закрытой акватории, – давала военные преимущества как для обороны, так и для нападения. Атакующий, решивший запечатать флот в бухте, мог затопить судно у начала гавани и перекрыть входы и выходы. Гавань до сих пор представляет собой прекрасное убежище, чтобы переждать ураган, но она недоста-

⁷ Марлин – название нескольких видов океанских рыб семейства марлиновых, или парусниковых.

точно глубока для современного судоходства, и к западу от города строят более глубоководную гавань. В старой гавани и проход слишком узок. Кроме того, хотя Регла (Regla) до сих пор способна обслуживать судоходные маршруты в Восточную Кубу и из нее, улицы Старой Гаваны слишком узки, чтобы перевозить товары на грузовиках.

* * *

В этом тесном, многолюдном мире узких пространств Хабана-Вьеха и мог бы разворачиваться сюжет моего фильма в стиле нуар. Свет там жаркий до белизны, а тени контрастны. Этот тропический город строили, чтобы тени было как можно больше, и на узких улицах, как правило, царит полумрак. Улицы Хабана-Вьеха такие узкие, что до недавнего времени между зданиями натягивали навес, чтобы затенить то, что внизу.

Но есть и другие причины видеть Гавану черно-белой. Из-за американского торгового эмбарго цветную пленку и все, что нужно для ее обработки, купить было негде, потому многие годы после революции ведущие фотографы страны, например Рауль Корралес и Альберто Корда, снимали в черно-белом. (Истинный гаванец Корда, автор знаменитого черно-белого портрета Че Гевары, говорил, что стал фотографом, чтобы «знакомиться с женщинами».)



Навес между зданиями на улице О'Рейли в Старой Гаване дает тень для покупателей, 1871 г.

Один из лучших гаванских романов читается словно фильм-нуар. Не возникает мыслей о цвете, когда читаешь «Погоню» (El Acoso) Алехо Карпентьера. Об открытости гаванцев иностранцам свидетельствует то, что Карпентьер – он родился в Швейцарии у отца-француза и матери-русской, умер в Париже и говорил по-испански с французским акцентом – был принят в городе и причислен к великим гаванцам. Большинство горожан даже не догадываются, что он родился не здесь.

Действие «Погони» происходит в 1950-е годы при диктатуре Фульхенсио Батисты; это рассказ о политическом активисте, которого преследуют в Гаване секретные полицейские агенты. Это один из тех романов Карпентьера, благодаря влиянию которых колумбиец Габриэль Гарсиа Маркес и другие латиноамериканские писатели обратились к тому, что называют «магическим реализмом». Но, несмотря на магическое в книге, она полна неприукрашенного реализма, поскольку сюжет разворачивается на улицах Гаваны. Она передает то, как город выглядит, ощущается и особенно как он пахнет. Впрочем, отсылки к цвету изредка попадаются: «Вслед за пятнами краски на домах он шел, двигался от охры к пепельному, от зеленого к малиновому, переходя от дверей со сломанным гербом к дверям, украшенным грязными рогами изобилия». И Гавана всегда была такой – нарядной, но потрепанной, чем-то напоминающей небритого мужчину в поношенном смокинге.

Возможно, на мысль о фильме-нуар наводит сам сюжет книг или тот факт, что события происходят преимущественно ночью, отчего погоня разворачивается словно в черно-белом городе. Карпентьер нашел истинную суть Гаваны, когда написал в своем произведении 1970 года «Город колонн» (*La Ciudad de las Columnas*): «Старый город... это город теней, построенный тенями». Гавану строили европейцы, мечтавшие о тени в жаркой стране; они и создали мир теней.

В «Погоне» тьма усиливает запахи. Ведь, как и большинство тропических городов, Гавана наполнена сладкими, кислыми и горькими ароматами, многие из них неприятны. Помогло бы выносить мусор чаще, но есть и другие запахи. Карпентьер писал о «вони из кухонь бедноты». Он писал даже о «запахе пожраных термитами бумаг». Поищите старые, бывшие в использовании книги со слегка поеденными страницами на прилавках Пласа-де-Армас, самой старой площади города, и вы узнаете, как это пахнет.

Никто не напишет о городе подробнее, чем Карпентьер, если не полюбит его со всем его зловонием. Как однажды сказал о Чикаго Нельсон Олгрен: «Прежде чем ты заработаешь право что-то сказать о нем, попробуй его немного полюбить». «Погоня» – это дань Карпентьера темному и суровому городу.

Еще один стойкий черно-белый образ Гаваны возникает из фотографий Уокера Эванса. Карпентьер даже упоминает одну из них в «Погоне». В 1932 или 1933 году Эванс приезжал на Кубу с заданием проиллюстрировать книгу, которая так и не была издана, – «Преступление Кубы». За три недели фотосъемок, сопровождаемых обильными возлияниями с Хемингуэем (Папа⁸ угощал) в отеле «Амбос Мундос» (*Ambos Mundos*), Эванс сделал свои гаванские черно-белые шедевры. Его работы показывают не бедность эпохи Великой депрессии, как на американских фотографиях, а просто улицы, полные людей, стремящихся выглядеть «как надо» в безнадежно потрепанном мире.

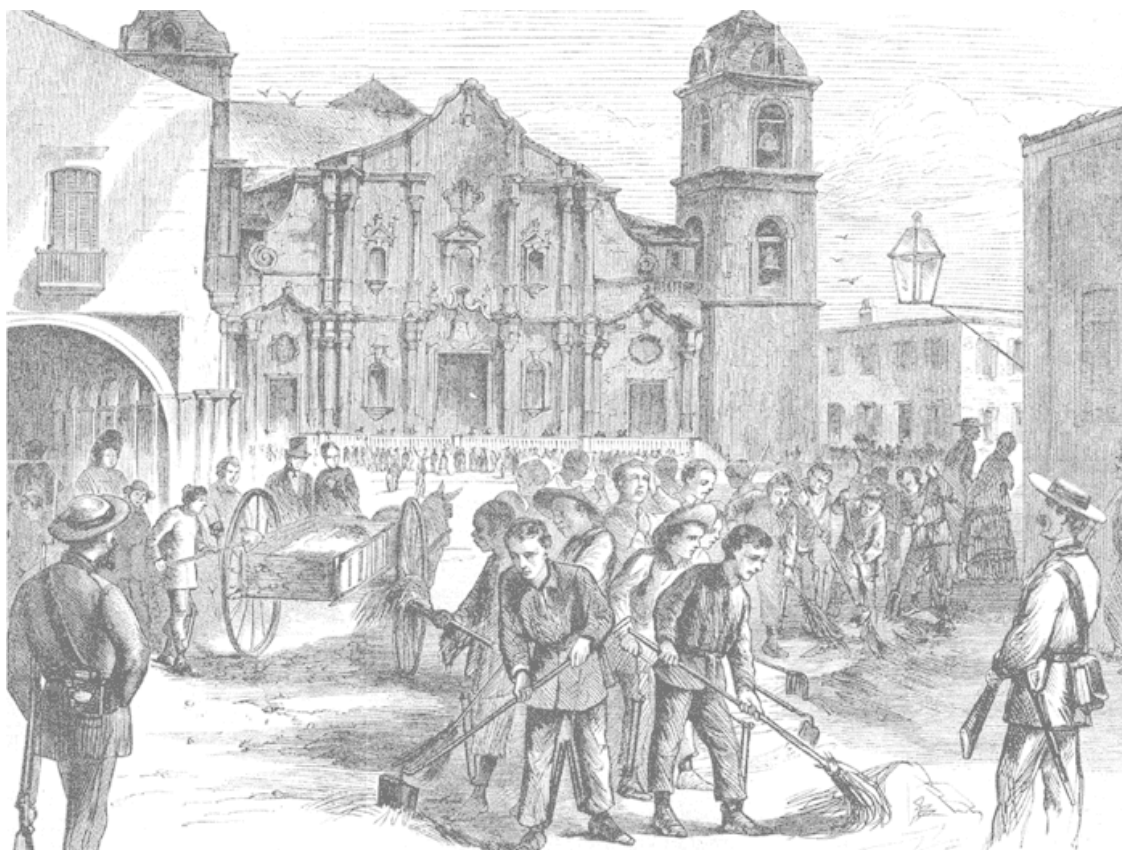
В городе снимались и настоящие фильмы-нуар, например, в 1959 году Кэрол Рид снял черно-белую адаптацию романа 1958 года «Наш человек в Гаване». Сценарий написал сам автор книги, Грэм Грин, благодаря чему получился один из тех редких фильмов, который не уступает роману, по которому снят.

Это история об англичанине, торговавшем пылесосами и убедившем британскую разведку, что чертежи пылесосов – это план систем вооружения в кубинских горах. Он задумал выбить из разведки деньги, чтобы отправить дочку учиться в Швейцарию. Можно возразить, что сюжет слишком комичный для фильма-нуар. Фидель Кастро, разрешивший съемочной группе поработать в Гаване, ворчал, что шпионы Батисты показаны слишком позитивно. Но в истории есть и темная сторона, например, полицейский агент-садист с портсигаром из человеческой кожи и сцены расстрела людей на улице – драматичные вспышки ружейных выстрелов

⁸ Папа – прозвище Эрнеста Хемингуэя среди его поклонников, возникшее в годы Второй мировой войны.

в темноте. Книга Грина в основе своей смешная, но, как замечено в романе: «кто-то всегда оставляет банановую кожуру на сцене трагедии».

Изначально автор выбрал в качестве места действия Эстонию 1938 года, но потом подумал, что нацистская оккупация – все же слишком мрачный фон для шпионской комедии. Позже он решил, что в «фантастической Гаване» комедия может разворачиваться посреди «абсурда холодной войны». Грин рассудил: «Ведь кто здесь может подумать, что выживание западного капитализма – стоящее дело?» Но, как заметил Кастро, если ты кубинец, то при диктатуре Батисты тебе приходилось не так-то весело. Бесчеловечная клептократия в тесном партнерстве с американской организованной преступностью проявлялась как в ужасающей бедности, так и в показном богатстве. Иностранцы вспоминают Гавану тех времен как своего рода романтический бордель с красивыми людьми, которые элегантно одеты и слушают хорошую музыку в знаменитых ночных клубах. А у местных в памяти – террор, когда невиновных, даже героических людей избивали, тащили по улицам и убивали и при свете дня, и ночью.



Скованные каторжники на Пласа-де-ла-Катедраль во времена заключения Марти. Журнал Harper's Weekly, 3 декабря 1871 г.

На самом деле Гавана, которая издавна славилась атмосферой веселья, опутана воспоминаниями о трагичной и страстной истории. На городских улицах в разных кварталах висят памятные таблички там, где убивали жертв Батисты. Есть места, где раньше находились бараки, там держали рабов в загонах и выставляли на потеху богачам вплоть до конца 1870-х годов. Один из загонов стоял на границе Хабана-Вьеха, второй – там, где раньше лежала западная оконечность города, а сегодня – центральный квартал Ведадо (Vedado). У живописной каменной кладки возле входа в порт когда-то находились охраняемые военными лагеря, куда хозяева могли отправить своих рабов, чтобы их там профессионально избили или изувечили, а прохожие невозмутимо слушали их крики. Возле западного загона висит памятная табличка

на месте карьера, где в 1869 году главный герой кубинской истории Хосе Марти, в юном возрасте став политическим заключенным, работал, скованный цепями с другими каторжниками. Освобожденный и сосланный в Испанию, он написал письмо испанскому народу: «Бесконечная боль: ибо боль заключения это самая страшная, самая разрушительная боль, убивающая разум, сжигающая душу, оставляющая следы, которые никогда не исчезнут».

Ниже Эль-Морро находятся укрепления Ла-Кабаньи XVIII века, любимая достопримечательность туристов, где Че Гевара – человек с внешностью киногероя – казнил так много людей с помощью расстрельной команды, что Кастро убрал его с должности руководителя апелляционным трибуналом и взамен сделал президентом национального банка. С другой стороны входа в гавань стоит крепость Ла-Пунта, где в 1852 году публично повесили бунтовщика Нарсисо Лопеса.

В Гаване на каждую вспышку света приходится по темному пятну.

* * *

В Гаване жарко, и борьба с жарой играет важную роль в здешней жизни. «Жара – злобная чума, проникающая повсюду», – писал Леонардо Падуря Фуэнтес в начале своего мистического детектива «Маски» (*Máscaras*, английское название *Havana Red*). «Жара спускается словно тесный, тянущийся колпак из красного шелка, она обвивается вокруг тел, деревьев и предметов, чтобы впрыснуть темный яд отчаяния и медленной, неотвратимой смерти». Главный герой книги полицейский Марио Конде спрашивает: «¿Pero cómo puede hacer tanto calor, soño?» Это извечный гаванский вопрос: «Какого черта так жарко?»

В декабре более прохладный воздух приходит с моря, из Флориды, поднимает волны прибоя и заставляет их пениться вдоль Малекона (*Malecón*). В январе и феврале температура падает до приятных 75°⁹; есть мнение, что это лучшее время для поездки на Кубу. Но если вы не испытаете на себе жару, вы не испытаете на себе Гавану.

Гаванцы приобрели немалый опыт насчет того, по каким улицам стоит ходить, и стараются держаться тех, что тянутся вдоль берега, чтобы иметь возможность ощутить морской бриз. Тень встречается повсюду; никогда не увидишь, чтобы гаванцы жарились на солнце, если есть шанс спрятаться. Они блестят от пота, потому славятся еще и привычкой часто мыться.

В Гаване не сможет жить тот, кого раздражает пот. Пот – один из многочисленных определяющих ароматов в пахучей Гаване, лейтмотив почти всей гаванской литературы. Потееют во всех мистических романах Падуря. Потееют в великом классическом романе XIX века «Сесилия Вальдес, или Холм Ангела», написанном Сирило Вильяверде.

Пот стирал четко прописанные классовые границы – в городе все потеют. В «Погоне», где пот – это, можно сказать, один из главных героев, Карпентьер описывает богатую, хорошо одетую женщину в театре: «Из-за мехов, которые они носили, несмотря на жару, влага собиралась у них на шее и груди». Богачи просто потели в одежде получше.

Почти все центральные персонажи гаванской культуры пережили изгнание – вынужденно либо добровольно – в какой-то из периодов своей жизни. И уехавшие гаванцы редко утрачивают чувство мучительной ностальгии по своему городу, ведь он не похож ни на что на свете.

Кажется, люди безвозвратно попадают под чары Гаваны. Нельзя приехать в этот город – тем более пожить в нем – и забыть его. История Кубы не похожа на историю ни одной страны и уж точно ни одной другой испанской колонии, а история и культура Гаваны стоят особняком от остального острова.

Гаванцы с трудом представляют себе остальной остров, а остальной мир и подавно, – это отношение понятно большинству ньюйоркцев и парижан. За пределами города жизни нет.

⁹ По Фаренгейту. По Цельсию – 23–24°. – *Примеч. перев.*

Хотя Куба – это остров, жители Гаваны склонны воспринимать свой город как остров на острове. Почти так и было. В XIX веке Гавана представляла собой окруженный стенами город на оконечности полуострова, выступающего в Гаванскую бухту, защищенный с трех сторон водой, а с четвертой – почти прямой стеной. Стена идет от входа в гавань по западной границе старого города до залива с южной стороны. Прикрытая стеной сторона была единственной связью с землей, и в XVII веке колониальные власти предложили вырыть ров вдоль стены, что превратило бы Гавану в остров в буквальном смысле.

Но в этом не было необходимости. Еще с XVIII века в девять часов вечера в укреплениях Ла-Кабаньи стреляла пушка и запирались ворота. Вы могли не спать всю ночь в Гаване. Многие так делали. Но как только стреляла пушка, до утра никто не мог ни войти в город, ни выйти. Сегодня стены нет, ворот нет, но из пушки на входе в гавань до сих пор в девять вечера стреляют солдаты в форме XVIII века, под барабанную дробь, чтобы напомнить людям, что столица и по сей день ведет жизнь острова.

Изоляцию Гаваны редко оценивают позитивно. Для Дульсе Марии Лойнас, ведущей гаванской поэтессы XX века, слово *isla* (остров) всегда подразумевало одиночество:

Окруженный со всех сторон морем,
Я – остров, цепляющийся за стержень ветра.
Кричу я или умоляю,
Никто меня не слышит.

Nadie escucha mi voz si rezo o grito («Никто не слышит мой голос, кричу я или умоляю»). Возможно, поэтому на протяжении всей своей мучительной истории гаванцы и кричали, и умоляли так громко. Когда ты на острове, который тоже на острове, чтобы тебя услышали, надо постараться.

И все же – пожалуй, то же самое извращенное чувство заставляет кинозрителей находить фильмы-нуар романтичными, хотя это печальные истории о невезучих людях – Гавана при всех своих ароматах, поте, крошащихся стенах, изоляции и сложной истории остается самым романтичным городом на земле. О ней написано бесконечно много любовных песен. Этот город околдует любого.



Один. Перемена

Todo el mundo tiene una ciudad distinta en la cabeza.

Каждый представляет себе город по-своему.

Эдмундо Десноэс о Гаване.

Безутешные воспоминания

(Inconsolable Memories), 1965

О Гаване немало спорят, в том числе потому, что в Гаване противоречия – это стиль жизни. Впрочем, почти все соглашаются, что второго такого города нет на земле. Как же Гавана стала такой непохожей на другие города (впрочем, не в той степени, в какой полагал Колумб, когда написал в отчете о своем путешествии, что существует место под названием Аван и там «жители рождаются с хвостами»)?

Историки указывают на очередное восстание или бунт, создавшие облик города, но на самом деле главное качество Гаваны – это процесс изменения сам по себе. Такой истории потрясений и перемен нет ни у одного другого места на свете. Перемены – одно из фундаментальных условий здешней жизни.

Начнем с того, что Гавану основали трижды и в трех разных местах.

После того как Христофор Колумб в 1492 году объявил остров Куба «самым прекрасным из всех, что когда-либо видели глаза», он отправил посланника, чтобы тот поговорил с местными жителями, каковых мореплаватель считал китайцами. В команде Колумба по-китайски никто не говорил, и потому он послал человека, знавшего арабский, рассудив, что по крайней мере он хоть что-то понимает в Азии. Есть свидетельства, что Колумб знал, что он находится не в Азии, и непонятно, с чего он решил, что арабговорящий спутник может ему помочь.

О таино, коренном населении региона, известно немного. Едва Колумб понял, что перед ним не китайцы, он отметил в дневнике, что они кажутся «добрыми людьми» и из них выйдут отличные слуги. Он захватил в плен нескольких таино, чтобы отвезти их своим спонсорам в Испанию.

В 1511 году испанцы отправили на Кубу Диего Веласкеса де Куэльяра с тремя сотнями человек, чтобы он осуществил то, что испанцы называли конкистой, а мы – геноцидом. Немногие таино выжили. По легенде, вождя таино по имени Атуэй, в честь которого в Гаване позднее назвали знаменитую марку пива, привязали к столбу, чтобы сжечь. Несмотря на угрозу страшной смерти, он отказался рассказать, где на острове находится золото. Скорее всего потому, что его там не было. Тогда испанцы предложили ему креститься и сказали, что если он примет христианского бога, то отправится на небеса. Легенда утверждает, что затем Атуэй спросил: правда ли, что христиане попадают на небо, и испанцы заверили его, что непременно. Перед тем как враги подожгли костер, Атуэй произнес свои последние слова: «Раз испанцы уходят на небо, я туда идти не хочу».

Одна из причин заподозрить, что эта растражированная байка не совсем правдива, заключается в том, что она слишком напоминает гаванский юмор. Гаванцы обожают рассказы, где с героем происходит что-то плохое. Начало у них спокойное, ничего не предвещающее, а концовка неожиданная. История про Атуэя похожа на анекдоты про Пепито, популярные сегодня на Кубе (обычно они связаны с Фиделем Кастро, которого называют просто по имени). Возможно, эта байка и положила начало подобным анекдотам. Вот пример поновее:

Когда Кастро старался не допустить перенаселения Гаваны, он предложил, чтобы все, кто приехал из провинции Орьенте, вернулись домой. Пепито посоветовал ему выделить триста автобусов и мерседес.

«А мерседес для кого?» – спросил Кастро.

«Для вас, команданте».

(Кастро сам родом из Орьенте.)

25 июля 1514 года Веласкес отправил одного из своих помощников по имени Панфило де Нарваэс заложить город, названный Сан-Кристобаль, поскольку мореплаватели пустились в путь в День святого Кристобаля. По словам Бартоломе де Лас Касаса (он вошел в историю как конкистадор, оставивший описание геноцида таино), Панфило был здоровенным, рыжим и отличался не только исключительной (даже по меркам той своры) жестокостью, но и крайней глупостью. Таким образом, есть свидетельство, что Гавану основал слабоумный головорез.

Панфило решил построить город в бухте на западе острова с его южной, карибской стороны. Очевидно, он не был достаточно хорошим моряком – в конце концов он пропал в море во время экспедиции во Флориду, – чтобы догадаться основать поселение в более выгодном месте на северном, атлантическом берегу. Он назвал город «Сан-Кристобаль-де-ла-Абана», и кажется, никто не знает, откуда взялась эта самая «Абана». По одной из версий, вождя таино в этой области звали Абагуанекс. Однако почему Панфило выбрал для названия города имя вождя, правившего людьми, которых он убивал? Есть мнение, что он стал строиться на том самом месте, которое Колумб называл «Аван». Впрочем, этот аргумент опирается на отдаленное сходство двух названий и на то, что, по словам Колумба, «Аван» находился в западной части острова. Сегодня там находится порт Батабоно – маленькая деревушка, мало отличающаяся от других, за исключением того факта, что именно здесь Эрнан Кортес снарядил свою первую экспедицию в Мексику.

Сан-Кристобаль-де-ла-Абана не просто был построен на неправильном берегу. Он был расположен возле кишашего москитами и разносимыми ими инфекциями болота. Поселенцы промучились там несколько лет, а потом переместились точно на север миль на тридцать¹⁰ – это как раз была самая узкая часть острова – на северное побережье, где обнаружили еще одно гиблое местечко. Там они основали новый Сан-Кристобаль-де-ла-Абана в устье реки, которую таино называли Касигуагуа, а сегодня она носит имя Альмендарес (Almendares). Река течет через жилые районы современной Гаваны, отделяя некогда модный район Ведадо от более нового, но не менее фешенебельного района Мирамар. Река чистая, она издавна снабжала Гавану питьевой водой, но, несмотря на это, непонятно, почему поселенцы остановили выбор именно на этом участке, ведь от него рукой подать до превосходно защищенной бухты, где есть более удобная для жизни и обороны возвышенность. Ее потом назвали Пуэрто-де-Каренас, поскольку стали использовать для килевания кораблей (то есть для перемещения судна в сухой док, чтобы обработать его борта смолой, которую собирали на скалистом берегу)¹¹.

Во втором Сан-Кристобаль-де-ла-Абана поселенцев снова донимали москиты и болезни. Поэтому в 1519 году они все-таки передвинулись на холмистый берег залива Пуэрто-де-Каренас, на то место, которое сегодня называется Пласа-де-Армас, самая старая площадь Гаваны. Наконец-то они поняли, что раз уж живешь у воды, то куда выгоднее расположиться на возвышенности, а не в низине. Официальная дата основания третьего Сан-Кристобаль-де-ла-Абана – 16 ноября 1519 года. Не потому, что в этот день случилось что-то особенное, а потому, что папа перенес День святого Кристобаля с 25 июля на 16 ноября. По легенде, колонисты отслужили мессу под большой сейбой (хлопковым деревом), а затем убрали имя святого из названия города.

¹⁰ 1 миля равна примерно 1,6 км.

¹¹ Автор описывает процесс докования. Килевание корабля подразумевает обработку его подводной части без вытаскивания на сушу или в док. Судно просто наклоняют до такой степени, что из-под воды показывается киль. Именно это по-испански называется *carena*.

* * *

Первые дома в третьей по счету Гаване представляли собой временные хижины с глиняными стенами, крытые соломой и смотревшие на море. Вскоре бухту заполнили галеоны с награбленной в Мексике и других странах обеих Америк добычей, которую они переправляли в Испанию. Несмотря на все богатства, проходившие через Гавану, она жила довольно скромно. По молодому городу ползало столько черепах и крабов, что, как говорят, после наступления темноты слышался ужасающий треск, и этот надоедливый шум звучал в Гаване каждую ночь. В 1655 году моряки с английского пиратского корабля решили устроить налет на город, но, услышав в темноте то, что напоминало поступь огромной армии, ретировались на свое судно. Их отбросила армия черепах.

Первые жители Гаваны убивали черепах, разрезали их мясо на полоски и сушили, чтобы получилось тасахо, крайне неаппетитное блюдо, которое можно было размягчить в горячей воде, чтобы питаться во время плавания обратно в Испанию. Очевидно, в процессе вяления черепаха (или это ее гниющие остатки?) пахнет неприятно, поскольку в конце концов из-за вони власти Гаваны запретили делать тасахо в черте города.

Такой была юная Гавана. С тех пор произошло много разных событий.



Два. Ненавистное море

Odio el mar, sólo hermoso cuando gime.

Ненавистно мне море. Оно прекрасно, лишь когда ревет.

Хосе Марти

Ненавижу море

(Odio el Mar), 1882

Для путешественника одной из главных прелестей Гаваны всегда была та узкая часть города, что выходит на сверкающее тропическое море с темной линией Гольфстрима на горизонте. Хемингуэй – не единственный иностранец, считавший море главной достопримечательностью Гаваны. Но местные жители не всегда разделяли этот взгляд.

Восточнее Гаваны расположен Варадеро, один из красивейших пляжей в обеих Америках. Вокруг него стоит более пятидесяти отелей, и место считается самым большим пляжным курортом на Карибах. Когда я приезжал на Кубу в качестве репортера в 1980-е и 1990-е годы, курировавший мою программу визита кубинский чиновник (один из тех, кого принято называть «сопровождающими») постоянно уговаривал меня провести в Варадеро несколько дней из моей краткой командировки. Я ездил туда на чуть-чуть, но никогда не оставался надолго, ведь там нет кубинцев. В этом месте отдыхали канадцы и – в зависимости от политической обстановки – либо восточные европейцы, либо западные. Путеводитель Lonely Planet называет Варадеро «авангардом самой важной отрасли Кубы – туризма».

Но Варадеро не вызывает восторга у гаванцев. За исключением немногочисленной элиты, привыкшей к отдыху на пляжах в западной части района Мирамар (Miramar), за рекой Альмендарес, жители Гаваны не питают к морю сильной любви.

Писателю Абилио Эстевесу принадлежат такие слова: «В Гаване я всегда боялся моря. А поскольку все дороги в Гаване ведут к морю, почти каждая дорога вела меня к страху».

Эберто Падилья, автор знаменитого автобиографического романа «Герои пасутся в моем саду» (En mi jardín pastan los héroes), сказал:

Если есть пейзаж, целиком и полностью отвратительный мне, то это тот, что изображен на обложке первого испанского издания «Героев, которые пасутся в моем саду». Перед вами сонный пляж с пальмами и ярким солнцем. Картинка словно с открытки, которую турист шлет домой, приманка, рассчитанная на то, как понимают красоту северяне. Терпеть этого не могу.

Неприязнь к морю для гаванцев не внове. В стихотворении «Ненавижу море» великий поэт XIX века Хосе Марти пишет: «Ненавижу море, огромную тушу, унылую тушу, в которой обитают отвратительные существа».

Марти родился в семье бедных испанских иммигрантов, которые жили в маленьком домике на краю Хабана-Вьеха. Он провел здесь только первые шестнадцать лет жизни, но сердцем и разумом всегда оставался гаванцем. Марти рос талантливым ребенком и рано начал рисовать и писать, а к шестнадцати годам уже печатался и был известным поэтом. Кроме того, он горячо поддерживал движение за освобождение Кубы от испанского владычества и в шестнадцать лет начал издавать газету La Patria Libre¹², посвященную делу кубинской независимости. За это его арестовали, а позже выслали из страны.

¹² «Свободное отечество» (исп.).

Марти, как многие гаванцы до и после него, тосковал в изгнании. Для гаванцев борьба всегда подразумевает, что ты остаешься дома. Не отправляться в изгнание, не уезжать, быть в этом неповторимом месте означало победу – пусть победу с привкусом горечи. Каждый день гаванцы идут мимо опустевших комнат, квартир и домов своих друзей и родных, уехавших за море, и, как говорил Педро Хуан Гутьеррес, летописец современной Гаваны, «ты становишься более одиноким и покинутым, чем жертва кораблекрушения посреди Гольфстрима». Тогда даже гордые хабанерос устремляют взгляд в море, думая о тех, кто пересек его.

Самый узнаваемый символ Гаваны – «Гиральдия», металлическая фигура на вершине башни Кастильо-де-ла-Реал-Фуэрса, охраняющая путь в Хабана-Вьеха с моря. На самом деле это копия, а оригинал хранится в музее на соседней Пласа-де-Армас. Правда, та статуя 1634 года и сама, по всей видимости, была скопирована с одной из сеvilьских скульптур.

Легенда утверждает, что статуя изображает Инес де Бобадилья, единственную женщину, правившую Гаваной. Она приняла власть над городом вместо своего мужа Эрнандо де Сото после того, как он уехал исследовать Флориду. Она так и не получила известия о его смерти и годами всматривалась в море в надежде увидеть корабль, на котором он вернется. Замечательно, что символом города, славящегося своими женщинами, считается женщина, причем та, что печально смотрит через море в сторону Флориды в поисках пропавшего любимого.

Это ощущение потери присутствует во всех крупных карибских городах. Однако в Гаване чувствуется еще и страх перед чьим-то прибытием. В конце стихотворения «Ненавижу море» Марти говорит, что важнее не те, кто уплыл, а те, кто приплыл. Он пишет:

Ненавижу море, беззлобно приносит оно
На своей самодовольной спине корабль,
Где с музыкой и цветами едет тиран.

Беды Гаваны всегда приходили с моря.

* * *

В первые двести лет главная проблема Гаваны заключалась в том, что в ней хранилось огромное количество испанских богатств. Карибское море принадлежало пиратам и каперам¹³, работавшим на разные государства. Их манило золото и другие драгоценные металлы, которые испанцы вывозили из Мексики и Южной Америки, складировали в Гаване, а потом переправляли в Севилью. В 1503 году сокровища, привезенные в Испанию (большая их часть перегружалась в Гаване), оценивались в восемь тысяч испанских золотых монет, называвшихся тогда дукатами.

Качество и ценность добычи вырастали каждый год, и в 1518 году стоимость сокровищ, доставленных из Гаваны в Испанию, составляла 120 тысяч дукатов. Испанские галеоны, огромные суда по меркам своего времени, заполняли Гаванскую бухту, выстроившись вдоль доков не только для пополнения запасов воды и пищи, но также для погрузки и разгрузки всех этих богатств практически на глазах захолустного городка и его довольно бедных жителей – все равно что носить дорогие ювелирные украшения в неблагополучном квартале.

Матросы, перевозившие ценности, мельтешили в городке постоянно, и это возымело долгосрочные последствия. На морях можно было заработать, и Гавана на многие столетия прославилась своими барами и питейными заведениями, азартными играми и проституцией.

В XVI веке в Гаване жило меньше трехсот человек. Город представлял собой несколько узких улиц с деревянными домами, иногда крытых черепицей. Улицы носили прозаичные,

¹³ Каперы – частные суда и их владельцы, атакующие и грабящие противников с официального разрешения своих стран.

удобные названия, которые используются и по сей день. Некоторые из них именовались в соответствии со своим назначением: торговцы жили на Калле-Меркадерес (Купеческая улица). Калле-Басуреро (Улица-свалка), в те годы, очевидно, популярностью не пользовалась, но, к счастью, впоследствии она утратила свою функцию и стала носить имя Калле-Теньенте-Рэй в честь какого-то лейтенанта. Первая получившая булыжную вымостку улица называлась Калле-Эмпедрадо, то есть Мощеная улица. Калле-Агуакате была названа так в честь большого дерева авокадо, которое там росло. На Калле-Дамас молодые женщины, *las damas*, любили посидеть на балконах, а представители инквизиции населяли Калле-Инквизидор. По Калле-Обиспо – Епископской улице – в середине XVI века любил прогуляться епископ Педро Морелл де Санта-Крус. А какой-то человек, чтобы почтить святых, жег лампаду круглые сутки на Калле-Лампарилья.

Моряки, приезжавшие в Гавану, рассказывали о безжалостных пиратах, которые грабили, жгли и убивали, и горожане дрожали от страха всякий раз, когда у берегов появлялся незнакомый корабль. Кстати, многие из этих моряков сами были пиратами, и они разведывали план города и укреплений, а также места, где хранились сокровища.

В 1538 году в гавань вошел неизвестный корабль. Его матросы говорили по-французски, а не по-испански. Услышав французскую трескотню, гаванцы заперлись по домам. Это действительно оказались французские пираты, которые для начала подожгли несколько домов. Деревянные дома, крытые пальмовыми листьями, горят быстро. Горожане, понимая, что пираты без труда спалят город дотла, наскребли шестьсот дукатов, которые показали французам, по всей видимости, достаточной суммой; и разбойники уплыли.

Вскоре прибыли три испанских корабля. Гаванцы настояли, чтобы те погнались за французскими пиратами. Испанцы обнаружили их в бухте неподалеку. Но первый испанский корабль сел на мель, и команда его покинула. Остальные два, увидев это, пустились в бегство. Тогда пираты сделали вывод, что всерьез защищать Гавану некому, и вернулись в город. Жители предложили им еще шестьсот дукатов, но на этот раз пираты не торопились уходить. Они мародерствовали в городе две недели и унесли все ценности, которые смогли найти, включая церковные колокола.

Испанцы решили укрепить Гавану и построили замок у входа в гавань. Следующий пиратский корабль, английский, высадился дальше по побережью, миновал фортификации и ударил по крепости со стороны суши. Гаванцы покинули город и прятались в лесу, пока их город грабили.

Подобные рейды стали частью гаванской жизни. Когда планировались новые улицы, их продолжали строить узкими, поскольку считалось, что так их удобнее оборонять. Каждый хаба-неро должен был постоянно носить с собой шпагу.

В июле 1555 года город навестил французский пират по имени Жак де Сор. Его слава была так велика, что сама английская королева Елизавета конкурировала с французским монархом Франциском I за возможность пользоваться его услугами. У историков разнятся мнения по поводу количества кораблей, которыми он командовал. Одни говорят, что их было всего два, другие – что целых двадцать.

Эти пираты взяли Гавану где-то за полчаса. Губернатор Гонсало Перес де Ангуло собрал семью и пожитки и поспешно перебрался на другой берег бухты, где сейчас находится восточный район Гаваны под названием Гуанабакоа. Зато командующий фортом Хуан де Лобера остался и призвал добровольцев обороняться. Ему удалось собрать шестнадцать человек – несколько испанцев, несколько африканцев и даже несколько таино. Уже тогда у гаванцев была кожа разного цвета.

Они держались, укрепившись в форте и не давая кораблям войти в гавань; им удалось даже сбить французский флаг, поставленный пиратами. Когда де Сор поджег форт, защитники сдались. Они сражались так отчаянно, что де Сор был уверен: они обороняют спрятанное в

форте сокровище. Однако он обнаружил только чуть-чуть денег, личные вещи губернатора и изумрудное кольцо его жены. Его пираты, конечно, забрали.

Они обыскали город и почти ничего не нашли. В самой Гаване никогда не хранилось сказочных богатств, они обычно лежали на судах, которых как раз в тот момент не было. Тогда пираты попытались взять с горожан выкуп, но безуспешно. В итоге они перерезали горло многим из заложников, сожгли Гавану дотла, подожгли корабли в бухте и даже уничтожили большие лесосеки за городом. Оставив от Гаваны дымящееся над морем пепелище, на котором задыхались немногие выжившие, пираты уплыли.

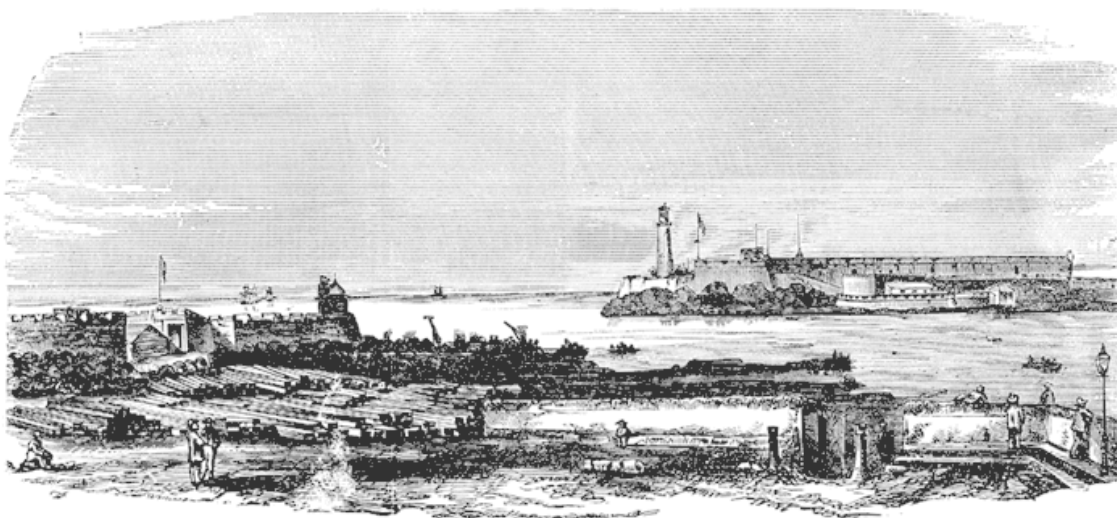
От города мало что осталось, но жители начали его восстанавливать. Не успело строительство закончиться, как приплыли еще одни французские пираты и сожгли Гавану снова. После этого испанцы потребовали от правительства построить огромную каменную крепость Кастильо-де-ла-Реал-Фуэрс, которая должна была встать на западном входе в гавань. Для работы король Филипп II прислал ведущего военного инженера Бартоломе Санчеса и сорок каменщиков. Все испанские колонии выделили деньги, поскольку они хотели получить форт, который будет защищать их товары. Однако для окончания строительства крепости остро не хватало рабочей силы.

К тому моменту испанцы уже пятьдесят лет как привозили на Кубу африканских рабов, в основном для работы в сельском хозяйстве. Король приказал снять африканских рабов с полей и на некоторое время отправить на строительство крепости, но резкая остановка сельскохозяйственного производства вызвала нехватку еды. Стало сложно даже снаряжать корабли. Тогда последовал новый приказ: всем чернокожим, кто сумел получить свободу и перебраться в Гавану, чтобы избежать работы в деревне, следует явиться на строительство или получить сто плетей. Свобода, судя по всему, была понятием относительным.

Крепость достроили в 1582 году.

В 1589 году, чтобы еще больше усилить обороноспособность, на восточном входе в гавань соорудили крепость с башней. Там была возвышенность; еще до того, как возникли хоть какие-то укрепления, с этого места узнавали о приближающихся кораблях. Крепость получила имя Кастильо-де-лос-Трес-Рейес-Магос-дель-Морро – в честь трех волхвов, приходивших к младенцу Христу; сегодня ее называют просто Эль-Морро, что значит «Возвышенность». Еще одну крепость, Ла-Пунту, позже построили прямо напротив Морро, на самой оконечности западной стороны гавани, на одной линии с Кастильо. Теперь вход в гавань охраняли целых три крепости.

Все же пиратские набеги не прекращались. И потому каждый вечер между двумя воротами вешали огромную железную цепь на деревянных перекладинах, чтобы перекрыть вход в гавань и не впустить корабли.



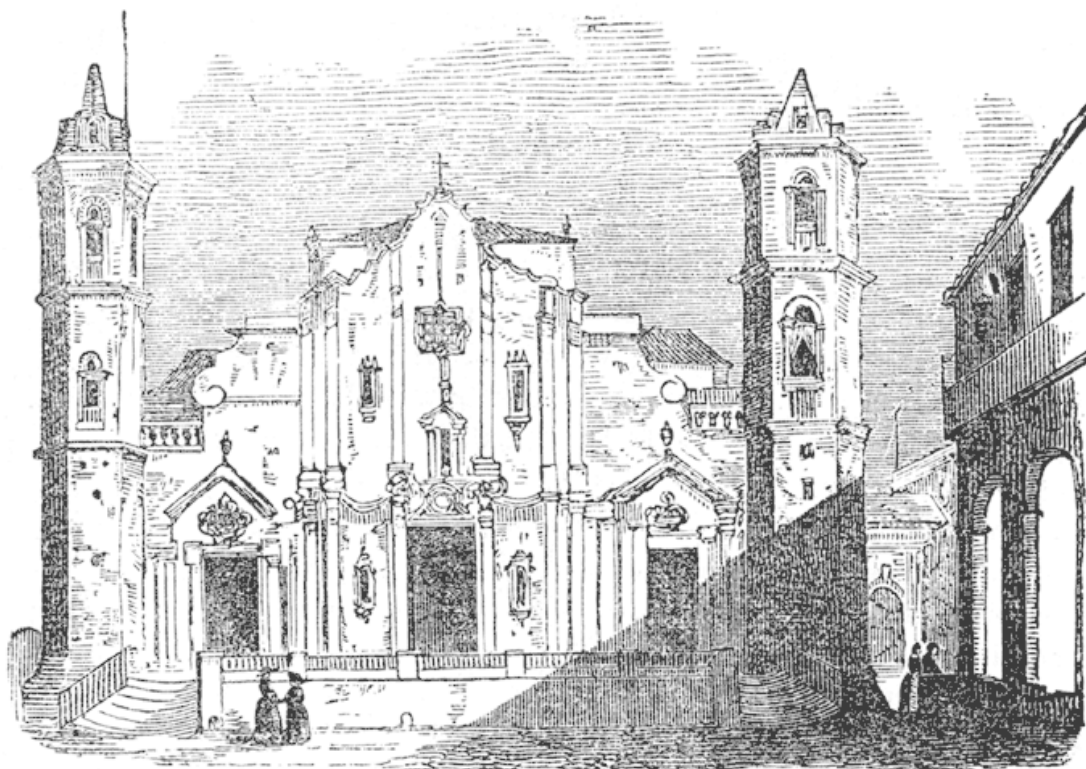
*Вид на вход в Гаванскую бухту и Эль-Морро со стороны Старого города, июнь 1877 г.
Из журнала Frank Leslie's Popular Monthly*

А те все равно приплывали. На берегу поставили еще две небольшие крепости. В 1674 году началась работа над постройкой стены, но прошло еще сто лет, прежде чем Гавана полностью огородилась. Готовая стена имела полтора метра в толщину и одиннадцать метров в высоту и обладала девятью воротами, которые каждую ночь запирались. Но, несмотря на крепости, стену, ворота и цепь на входе в гавань, никто не сомневался: придут еще новые беды.

* * *

В ранние годы Гавана не отличалась ухоженностью. На улицах валялся мусор, а грязи было не меньше, чем булыжника. Пласа-де-ла-Катедраль, одна из пяти главных городских площадей, находилась в низине; из-за плохих водостоков ее заливало при каждом дожде. Судя по всему, гаванский юмор в то время уже успел сформироваться, и в народе величественную площадь прозвали Пласуэла-де-ла-Сьенага — «маленькая площадь в болоте».

В качестве столицы Кубы и главного порта испанцы поначалу предпочли Сантьяго, город в восточной части острова, расположенной ближе к Испании. Проблема была в том, что из Сантьяго кораблю приходилось плыть вдоль берега к Гуантанамо, а затем проходить через предательский Наветренный пролив между Кубой и Гаити, чтобы выйти в Атлантику. В Гаване же кораблю было достаточно просто выйти из гавани.



Пласа-де-ла-Катедраль. Из журнала The Drawing-Room Companion, 1851 г.

С XVI века атлантическая торговля стала основным направлением международной коммерции. Основой экспортной экономики Кубы в то время был скот – говядина и, самое главное, кожа. Писатель-историк Антонио Бенитес Рохо метко охарактеризовал кожу «пластиком своей эпохи». Кожу применяли повсеместно. Почти все делалось с использованием кожи. Богатые субтропические пастбища восточной Кубы позволяют получать кожу более толстую, блестящую и по качеству намного превосходящую ту, что производят европейские пастбища. Кожу возили в первую очередь из Гаваны, но быстрее всего развивались в этом плане Сантьяго и его процветающие восточные провинции, а Гавана и ее окрестности оставались периферией.

В течение XVI века политический и экономический центр тяжести острова стал смещаться, когда сахар, который раньше считали забавой для горстки богатых людей в Европе, превратился в европейскую страсть. Сахар, несмотря на то что его производство зависело от дорогостоящей рабочей силы африканских невольников, стал выгоднее, чем кожа, и его начали выращивать на западе, в районах вокруг Гаваны.

В конце того же столетия испанская корона даровала Сан-Кристобаль-де-ла-Абана, портовому поселению, где были только рис, грязь и вонь, звание полноценного города – больше в качестве признания его потенциала, чем реально его оценивая. В 1607 году из Сантьяго в Гавану перенесли столицу кубинской колонии.

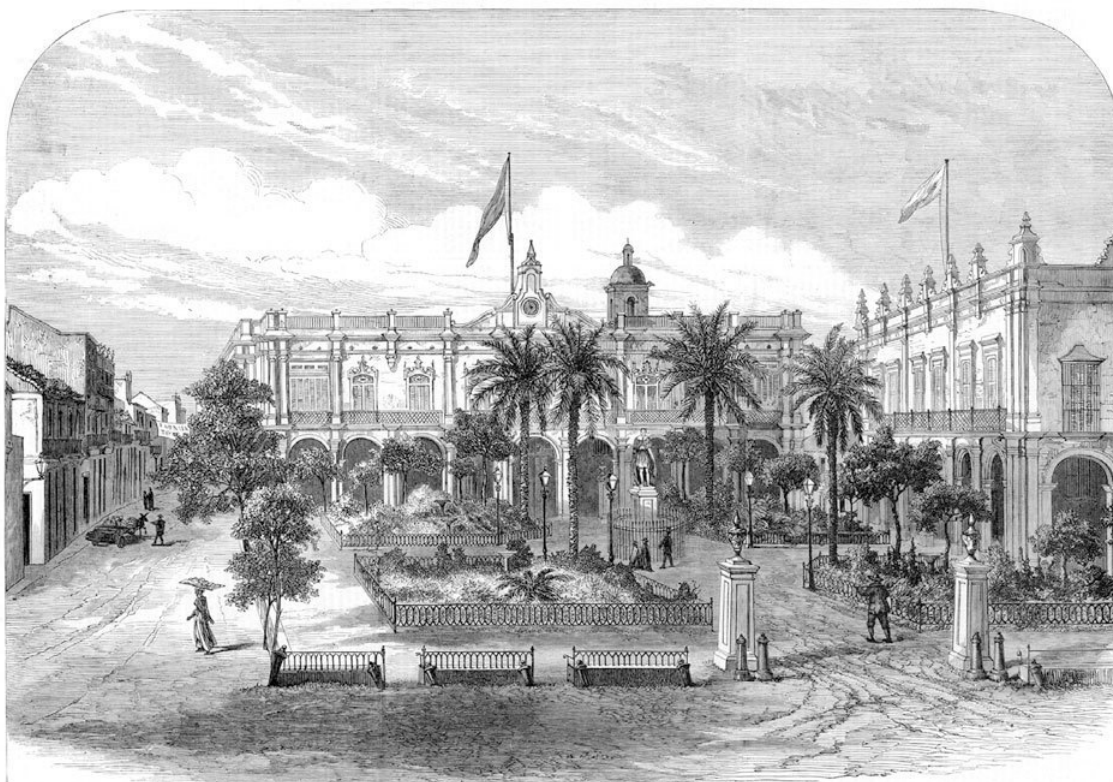
Гавана росла как торговый порт. К XVIII веку корабли здесь перевозили сахар, кожу, табак – что добавляло новые оттенки к ее печально известным запахам – и твердые сорта кубинской древесины, на которые возник огромный международный спрос. Все больше и больше африканцев ввозилось в качестве рабов, чтобы дешево производить эти выгодные товары, особенно сахар.

Когда в 1723 году в Гаване соорудили верфь, порт превратился и в крупный центр судостроения. Между 1724 и 1796 годами здесь построили 114 испанских военных кораблей. Корабли гаванского производства пользовались большим спросом, поскольку считалось, что кубинское дерево по качеству намного превосходит европейское.

К концу XVIII века жизнь гаванского общества стала куда менее демократичной, чем была за сто лет до этого. Кубинские поселенцы, накопившие средства для постройки особняков, утверждали, что ведут свой род от конкистадоров, и приписывали себе титулы, зачастую вымышленные и включавшие в себя названия кубинских городов и провинций.

Теперь в Гаване стояло семь больших церквей из камня, а вдоль ее узких улиц возвышались основательные каменные дома с черепичными крышами. Архитекторы, как и во многих странах Латинской Америки, приехали из Андалусии, что на юге Испании, а та находилась под властью мусульман на протяжении восьмисот лет, прежде чем христиане изгнали их в 1492 году. Архитектура с арабскими мотивами, которую привезли андалусцы, была рассчитана на жаркий климат.

Дома, спроектированные андалусскими архитекторами, имели большие, украшенные деревянной резьбой дверные проходы. В темных внутренних помещениях было мало окон, пропускавших жаркие солнечные лучи. Попадавший в комнату скудный свет рассеивался полукруглыми стеклами ярко раскрашенных геометрически правильных витражных секций над дверями или окнами.



Дворец генерал-капитанов на Пласа-де-Армас выглядел почти так же, как сейчас, после недавней реконструкции. Из газеты Illustrated London News, 21 августа 1869 г.

В центре каждого дома располагался открытый дворик-патио, облицованный плиткой и украшенный цветами, вьющимися растениями и пальмами в горшках. Праздники и большинство мероприятий проходили в патио – это было самое прохладное место в доме.

Высота новых домов обычно составляла два этажа. Первый этаж использовался как склад, иногда в нем были магазинчик-другой. Семья жила на втором этаже с выходившими на улицу балконами и галереей – крытым балконом над патио.

* * *

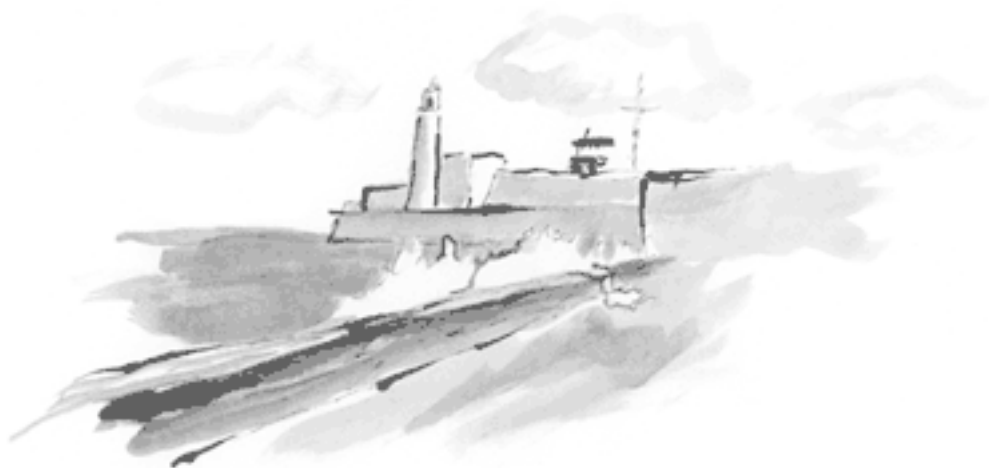
К середине XVIII века к городским укреплениям добавились надежные дома, которые было не так-то просто сжечь, три крепости и стена; гаванцам казалось, что они в безопасности. В городе располагалось много испанских военных. На Пласа-де-Армас генерал-губернатор правил из «тронной залы» Дворца генерал-капитанов с ее высокими потолками и красными портьерами. В порту царила оживленная жизнь, и гаванцы процветали.

Но 7 июня 1762 года британские захватчики с армией численностью свыше одиннадцати тысяч человек высадились в Кохимаре (Cojimar) – небольшом порту в нескольких милях к востоку от Гаваны. Командор Огастес Кеппель собрал войска, размахивая шляпой, и пообещал богатую добычу, провозгласив, что после того, как солдаты возьмут «вон тот городок», они станут «богаты, как евреи». Через два месяца отчаянных сражений прибыло подкрепление из Северной Америки, в том числе подразделения, которые через несколько лет будут сражаться против англичан в Войне за независимость. 13 августа испанцы сдали Гавану.

Для горожан это было ужасное событие и горькое поражение, трагическое несчастье. Британские войска они называли «мамеями»¹⁴ в честь тропического фрукта с красной мякотью.

Даже сегодня момент выяснения отношений – рассерженная жена приходит домой, начальник вызывает на ковер – называется *la hora de los mameyes* (час мамей).

Память осталась, а англичане – нет. Во время двухмесячной осады испанцы увезли все сокровища подальше, и британским солдатам удалось награбить не так много. Впрочем, Лондон в любом случае мало интересовался Гаваной, она была лишь пешка, которую разыграли в переговорах. Менее чем через год, в июле 1763 года, последние из «мамей» погрузились на корабли, и Гавана вернулась к Испании. В Парижском договоре, который подписали Британия, Испания и Франция несколькими месяцами раньше, испанцы получали Гавану обратно в обмен на Флориду. Уильям Пит Старший, прошлый и будущий премьер-министр Англии, выразил мнение, что это неудачный обмен. Проверить это уже не получится.



¹⁴ Мамей, мамей сапоте – местное название сапотового, или «мармеладного», дерева.

Три. Опасности Черного города

«¡Acabar con los negros!» repitió D. Candido fingiendo sorpresa. «No hará tal, por la sencilla razón de que de ellos está llena el Africa».

«Запорет до смерти всех негров? – с притворным изумлением повторил дон Кандидо. – Этого он никак сделать не может по той простой причине, что в Африке негров – хоть пруд пруди»¹⁵.

Сирило Вильяверде
(**Сесилия Вальдес**), 1882

То, что определило облик и характер Кубы, а также облик и характер Гаваны – и одновременно сделало их такими разными, – это рабство. Неоднократно высказывалось мнение, что влияние рабства на современную Кубу преувеличено; однако настолько глубоко и фундаментально рабство отразилось и на Гаване, и на Кубе, что переоценить его практически невозможно.

Рабство на Кубе просуществовало дольше, чем в любой из стран обеих Америк. Когда я впервые приехал сюда в 1980-е годы, можно было встретить кубинцев, у которых бабушки и дедушки родились в Африке. Рабство здесь отменили только испанским королевским указом от 7 октября 1886 года. Это значит, что, когда Фидель Кастро пришел к власти 1 января 1959 года, рабства не было всего семьдесят два года. Куба откололась от своей метрополии только шестьюдесятью годами ранее. Рабовладельцы возражали против кубинской независимости, а их внуки составили значительную часть богатой олигархии, которая первоначально выступала против революции Фиделя Кастро.

Испанцы запустили торговлю африканскими рабами на американских континентах. Считается, что сын Христофора Колумба Диего положил ей начало в Сан-Доминго в 1505 году, однако есть свидетельства, что африканцев ввозили уже в 1501 году. В 1513 году Амадор де Ларес, богатый кубинский землевладелец, получил разрешение привезти четырех африканских рабов с соседней Эспаньолы (сегодня на этом острове находятся Доминиканская Республика и Гаити). Этот документ – самое раннее свидетельство о рабстве на Кубе. Испанские Эспаньола и Куба стали первыми рабовладельческими колониями на двух американских континентах, но на первой из них рабство отменили в 1822 году – намного раньше, чем на Кубе.

В 1533 году на Кубе произошло первое восстание рабов в одной из шахт Хобабо, что в восточной части острова. Испанцы отрубили мятежникам головы и выставили их на всеобщее обозрение.

Белые боялись африканцев и старались управлять ими с помощью страха. Не считая наказания за бунт, самая страшная судьба ждала тех, кто убегал, и все-таки рабы регулярно отваживались на побег. Гаванские газеты писали о них в колонке под названием *Esclavos profúgos* («Беглые рабы»). Пойманных калечили и били чуть ли не до смерти. Беглые рабы предпочитали самоубийство поимке. Иногда им удавалось повеситься или отравиться. Бывало, помогало съесть побольше земли. Как писали современники, при отсутствии иных возможностей рабы иногда глотали язык, чтобы задохнуться насмерть. Среди невольников было распространено поверье, что после смерти они отправятся в Африку, обратно к свободе.

Чем хуже обращались с рабами, тем чаще они бунтовали, а чем больше белые боялись чернокожих, тем хуже они с ними обращались. Белые считали их примитивными животными, которые ненавидят своих хозяев и поддаются управлению только страхом. Хосе Марти был

¹⁵ Перевод Л. Покровской и П. Глазовой.

одним из первых сторонников отмены рабства и писал: «Только те, кто ненавидят негра, увидят в негре ненависть».

* * *

Хотя Куба стала одной из первых рабовладельческих колоний, на тот момент, когда британцы взяли Гавану в 1762 году, рабов там было немного, если сравнивать с другими карибскими колониями, например Гаити и Ямайкой. Именно англичане превратили город в центр работорговли. Для начала они завезли тысячу двести рабов, которых использовали при осаде Гаваны, а захватив город, они организовали невольничий рынок, чтобы их продавать. И хотя на Кубе рабы концентрировались в первую очередь на сельских территориях, центром работорговли стала Гавана.

К началу XIX века, когда город окончательно вернулся под власть испанцев, он производил огромные богатства. Причиной этому была уже не переправка ценностей из Латинской Америки в Европу, а работорговля и набирающий обороты экспорт сахара. Чем больше становился сахарный рынок, чем больше производилось сахара, тем больше рабов требовалось для работы на плантациях. Принято считать, что свыше 65 % рабов были заняты в сахарной отрасли и еще 15 % – в других сферах сельского хозяйства.

У рабов не было в прямом смысле слова ничего. Им выдавали самую грубую одежду. Во время урожая они работали по шестнадцать часов в день. Многие умирали от переутомления, но их хозяева считали, что дешевле приобрести новых, чем заботиться об уже купленных.

Работорговцы жили в роскошных особняках, которые и сегодня можно увидеть в Старом городе, – некоторые из них настолько большие, что их превратили в гостиницы. Богачи трепетно относились к предметам роскоши, одежде, украшениям, их волновало, в чем идти на бал и в театр. Они слушали концерты и оперы, в том числе произведения достаточно известных композиторов и музыкантов гаванского происхождения. Уровень жизни белого населения Гаваны был одним из самых высоких на американских континентах. Оно активно пользовалось не только европейскими предметами роскоши, но и американскими технологиями. Чтобы удовлетворить потребности сахарной промышленности, Куба обзавелась сетью железных дорог; их построили с помощью американских инженеров даже раньше, чем они появились в Испании.

В XIX веке стало больше и рабов, и свободного чернокожего населения. В 1790 году на Кубе жили 153 599 белых, 64 590 рабов и 54 151 «свободных цветных». К 1869 году белых стало 763 176, рабов – 363 286, а «свободных цветных» – 238 927 человек.

Рабов выгружали как судовой груз в гаванском порту, там же, где грузили сахар и табак. Затем их размещали в удобно расположенных загонах – один был в городе и один за городом, возле парков и площадок для отдыха. Поезд, шедший в Гавану, проезжал мимо загородных загонов, и путешественники могли развлечь себя, рассматривая из окна африканцев в клетках. Поезда зачастую наводили такой страх на тех, кто их никогда в своей жизни не видел, что люди вскидывали руки в манере, которую путешественники находили забавной. Целые семьи садились в повозки и ехали смотреть на клетки с африканцами.

Рабовладение вскрывало то варварство, что пряталось за аристократическими замашками. Дни торгов не предназначались для семейного досуга. Мужчины, потенциальные покупатели, стояли у закрытой двери, слушая крики и стоны с другой ее стороны. Наконец дверь открывалась, и покупатели проталкивались внутрь, стараясь ухватить как можно больше «отборных», как правило, обнаженных людей – столько, сколько они могли удержать руками или с помощью веревок.

* * *

Особенность испанских законов, оказавшая огромное влияние на Гавану, заключалась в том, что рабы имели возможность купить себе свободу. На всех рабов устанавливалась фиксированная цена, и они могли либо выкупиться сразу, либо выплачивать плату долями, по частям становясь хозяевами сами себе. Это право гарантировал им закон.

Конечно, «право» тут понятие смутное. Чтобы купить свободу, раб нуждался в деньгах, а право получать их за работу не гарантировалось. Зарабатывать на сахарной плантации рабам было практически нигде, зато Гавана давала много возможностей. В отличие от «полевых» рабов в домах трудились преимущественно невольницы-женщины. И рабы и рабыни в Гаване могли торговать на улице чем-нибудь, в том числе собственным телом; именно так город и стал центром проституции. Были и другие коммерческие возможности – например, открыть небольшой магазин.

Это привело к возникновению трех очень важных различий между Гаваной и остальной Кубой. В столице было намного больше свободного чернокожего населения, чем в любой другой части острова. Кроме того, здесь было намного больше женщин. И наконец, в Гаване появилось намного больше людей смешанной расы, считавшейся экзотической, – особенно если это были женщины, *las mulatas* (мулатки).

Труд свободных чернокожих людей играл важную роль в городской экономике. Они работали не только поварами, портными, прачками и столярами, но и были активно заняты в самых знаменитых отраслях гаванской экономики – судостроении и производстве сигар. В конце XVIII–XIX века, когда производство сигар было поставлено на промышленные рельсы и качество «Хаванас»¹⁶ заработало им известность в Европе и Северной Америке, скруткой их занимались преимущественно свободные чернокожие.

На остальной части Кубы не хватало женщин. Белые мужчины, приезжавшие из Испании, чтобы сколотить состояние, обычно не брали с собой жен. Еще больший дисбаланс наблюдался среди невольничьего населения. Большинство рабов были мужчинами, которых привезли в возрасте от пятнадцати до двадцати лет. Рабовладельцы хотели использовать их преимущественно для тяжелого физического труда, и большинство гаванских хозяйств в невольницах, за исключением небольшого числа женщин, работавших в качестве домашних рабынь, нужды не испытывали.

То, что домашние рабы в Гаване имели возможность заработать деньги на стороне и купить себе свободу, стало лишь одним из многих факторов, благодаря которым в городе появилось много свободных чернокожих. Другая причина – привычка рабовладельцев заниматься сексом со своими невольницами. Иногда они получали его силой, иногда путем принуждения, иногда с помощью обещаний более легкой жизни, а иногда всеми тремя способами сразу. Если этот союз приводил к появлению ребенка, женщина могла получить свободу, однако часто ее продавали в качестве кормилицы. Ребенок же автоматически считался свободным.

Такое случалось и на плантациях, но там было меньше рабынь. И, поскольку никто не остался бы на плантациях по доброй воле, освобожденные часто устремлялись в города. Наибольшей притягательностью обладала Гавана с ее многочисленным свободным населением, и вскоре столица прославилась своими чернокожими жителями и негритянской культурой. Гавана стала центром африканской культуры на Кубе – от музыки и религии до характерной манеры разговаривать.

¹⁶ Havanas – одна из самых известных марок кубинских сигар.

* * *

В конце XVIII века случилось то, чего рабовладельцы боялись больше всего. Гаитянские рабы восстали, победили своих хозяев в длительном кровопролитии, положившем конец рабству, и изгнали белых с Гаити¹⁷. Многие французские плантаторы, сумевшие скрыться, перебрались на Кубу, привезя с собой жуткие рассказы.

У Кубы была своя история восстаний рабов. Мятеж в шахте Хобабо в 1533 году – это только начало. В 1727 году взбунтовались рабы на плантации Киэбра-Ача, что чуть южнее Гаваны. Захватив инструменты и огнестрельное оружие, они покинули плантацию, терроризируя окрестности, мародерствуя и убивая. Восстание было подавлено с помощью хорошо вооруженного отряда пехоты из Гаваны.

Причина, по которой Куба оставалась испанской колонией более чем на полвека дольше, чем остальная Латинская Америка, заключается в том, что рабовладельцы попросили (и добились) испанского военного присутствия на острове. Рабовладельцы боялись не только собственных рабов, но и многочисленных свободных чернокожих кубинцев, подавить которых было бы еще труднее.

Александр фон Гумбольдт, знаменитый прусский географ, совершил ряд путешествий на Кубу в начале XIX века. Он с тревогой наблюдал, как к 1825 году количество рабов и свободных чернокожих людей грозило превысить численность белого населения. «Число свободных негров, способных легко договориться с рабами, на Кубе быстро растет», – предупреждал он.

Фон Гумбольдт добавил, что ситуация в Гаване беспокоит его в том числе и потому, что свободные чернокожие из других областей Кубы стекаются в столицу. Он отметил, что за двадцать лет белое население Гаваны выросло на 73 %, а количество «свободных цветных» увеличилось на 171 %.

Примерно тогда же чуть не воплотился главный кошмар кубинских рабовладельцев – резня белых. В 1812 году восстание возглавил Хосе Антонио Апонте из Гаваны. Он был жрецом божества Чанго, почитаемого среди йоруба¹⁸, и использовал африканские верования для распространения своего движения – белые всегда подозревали, что такое может случиться, и боялись этого.

Эти события произошли всего через десять лет после гаитянского восстания и заставили вспомнить имя лидера того мятежа, Туссена-Лувертюра, и других героев Гаити. Иларио Эррера, один из организаторов повстанческого движения в восточной части Кубы, был, кстати, одним из ветеранов гаитянской революции.

Восстание охватило весь остров. Оно ставило целью отмену рабства и в конечном итоге избавление от испанского владычества. Выступления произошли в Гаване и других крупных городах, а также на сельских плантациях. Однако Апонте предали собственные сторонники. Он и его восемь сподвижников были схвачены и повешены. После казни их обезглавили, и головы в клетках были выставлены в городе. Также показывали одну из рук Апонте. Фраза *mas malo que Aponte* («хуже, чем Апонте») стала крылатой в Гаване и означала «сделать что-то очень плохое».

Страх никуда не делся, и рабство тоже. В 1844 году испанское правительство объявило, что раскрыло заговор, получивший название *La Conspiración de la Escalera* («Лестничный заговор»), поскольку многих обвиняемых привязывали к лестницам и били. Тысячи рабов, свободных чернокожих и мулатов были высланы, избиты, брошены в тюрьмы или казнены. До

¹⁷ Речь идет об изгнании английских и испанских военных с острова и переходе под юрисдикцию Франции. Белое население оставалось на Гаити в течение всего восстания.

¹⁸ Йоруба – группа негроидных народов, населяющих Западную Африку (Нигерия, Того, Бенин, Гана). – *Примеч. перев.*

сих пор неясно: действительно ли планировалось восстание или же государство хотело таким образом избавиться от аболиционистского движения?

В 1817 году испанцы подписали с англичанами соглашение о сокращении опасной практики ввоза африканцев, но затем сахарный рынок расширился, и рабов стали ввозить контрабандой. Еще один договор, запрещающий импорт рабов, был подписан с Англией в 1835 году, однако незаконный ввоз продолжался. К середине XIX века каждый год на Кубу нелегально доставляли пятьдесят тысяч африканских рабов. Когда контрабандистов настигали в море, они просто швыряли человеческий груз за борт. Прибыль от раба, купленного в Африке и перепроданного в Гаване, составляла целых 200 %, так что торговцы могли позволить себе выбросить несколько сотен человек.



Четыре. Огонь и сахар Сесилии

La complexión podía pasar por saludable, la encarnación viva, hablando en el sentido en que los pintores toman esta palabra, aunque a poco que se fijaba la atención, se advertía en el color del rostro, que sin dejar de ser sanguíneo, había demasiado ocre en su composición, y no resultaba diáfano ni libre. ¿A qué raza, pues, pertenecía esta muchacha?

У нее был тот здоровый цвет лица, который на языке художника называется живым телесным тоном, однако, если взглядеться пристальнее, можно было заметить в нем излишнюю желтизну и, несмотря на яркий румянец, некоторую блеклость щек. К какой расе принадлежала эта девочка?¹⁹

Сирило Вильяверде
(Сесилия Вальдес), 1882

Свободное чернокожее население Гаваны состояло из женщин примерно наполовину, иногда даже больше, поскольку стоимость рабыни составляла всего 30 % от цены раба-мужчины, так что женщинам было куда легче выкупиться на свободу. Напротив, в деревнях женщин оставалось мало; рабовладельцы не желали иметь дела с беременными или детьми, поскольку те не могли много работать.

Гавана стала известна как город, полный женщин – красивых женщин. По аналогии иногда ее называли и городом красивых мужчин, но акцент, как правило, делался на женщинах. В романе «Наш человек в Гаване» Грэм Грин замечает: «Жить в Гаване – это жить на огромной фабрике, где непрерывным потоком выпускают женскую красоту»²⁰.

Многим гаванцам, по крайней мере по их словам, нравится то, что некоторые из этих женщин, как они говорят, *muy atrás*, то есть обладают пышными формами. Об этом постоянно упоминается не только в разговорах и песнях, но и в литературе. В романе Эдмундо Десноса 1965 года «Безутешные воспоминания» рассказчик говорит с кажущейся серьезностью: «S-образный изгиб, образованный животом и задом, достигает совершенства в некоторых кубинских женщинах, когда он становится независимым, не связанным с остальным телом, и даже начинает обладать отдельной личностью».

Piropos, скабрзные комплименты, которые мужчины выкрикивают симпатичным женщинам на улицах Гаваны, часто восхваляют пышность форм: их сравнивают с дворцами, восхищаются их революционностью, называют победой над дефицитом – в зависимости от политических настроений на текущий момент. Реакция женщин – веселье, смущение, гнев – зависит также от их настроения, но когда замечание меткое и дружелюбное, его обычно встречают благосклонно.

Город, знаменитый своими красивыми женщинами, неизбежно прославился и своей секс-индустрией. В колониальные времена и при диктаторах эпохи независимости – особенно в 1952–1959 годах при Фульхенсио Батисте, имевшем прочные связи с американской мафией, – проституция стала высокоприбыльной отраслью с целыми улицами домов терпимости, стриптизом в модном «Шанхайском театре» (Shanghai Theater) и множеством доступных красоток в ночных клубах. Пласа-дель-Вапор служила огромным рынком проституток, пока его не разогнали вскоре после революции.

¹⁹ Перевод Л. Покровской и П. Глазовой.

²⁰ Перевод Е. Голышевой.

Когда Фидель Кастро пришел к власти в 1959 году, он, будучи умеренным феминистом, пуританином и, кроме того, противником свободного предпринимательства, попытался положить всему этому конец. Но прошло больше пятидесяти лет с тех пор, как он встал во главе государства, а кубинское правительство так и не преуспело в борьбе с проституцией. Она возникает везде, где есть иностранцы, вокруг гостиниц и определенных ресторанов, поскольку многие приезжие мужчины до сих пор мечтают о ночи или хотя бы о нескольких часах с гаванкой. Уличные сутенеры подходят к иностранцу и шепчут: *Quieres una mu-la-ta?*²¹ На гаванском уличном языке, прославившемся дурной привычкой пропускать слова и выбрасывать фонемы, слово *mulata* (мулатка) представляет собой три тщательно артикулированных звука.

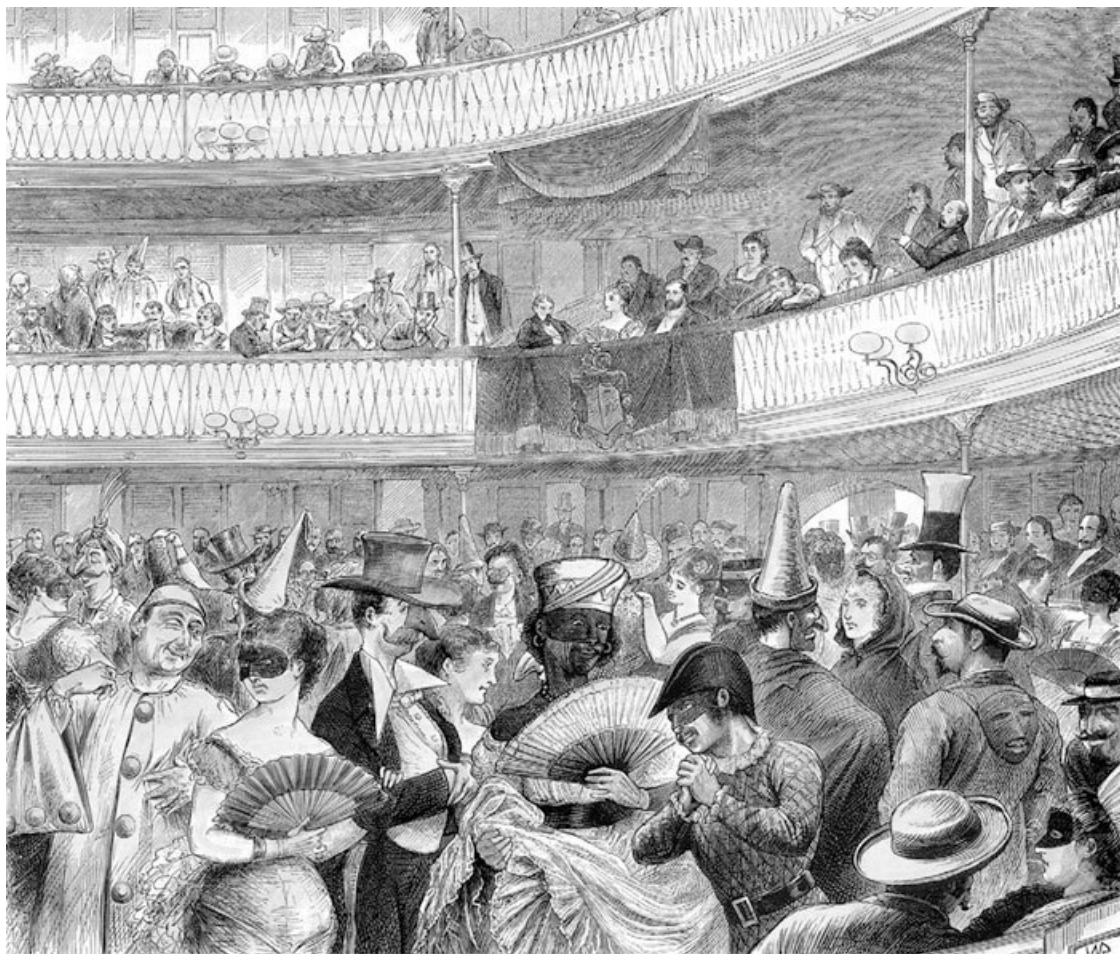
Как минимум с конца XVIII века, в самый расцвет рабства, появляется мистический образ мулатки. Возможен ли более типичный гаванский миф, чем история о том, что гаванские сигары скручиваются на обнаженных бедрах мулаток? В реальности на бедрах ничего не скручивают, и вообще женщин не брали на работу на сигарные фабрики до 1877 года. Эту байку запустил один французский журналист.

Миф о мулатках, уходящий корнями в расизм и сексизм рабовладельческого общества, начинался с того факта, что мулатка – это женщина, которая никогда не была рабыней, но поскольку белая она только наполовину, то полноценным человеком тоже не считается. Разница в положении между мулаткой и чернокожей женщиной отражена в жаргоне XIX века. Одну называли «корицей», то есть чем-то вкусным и экзотичным, а другую именовали «угольком».

Возможно, дело в том, что многие считают привлекательными людей смешанной расы. Испанский поэт Гарсиа Лорка говорил, что в Гаване живут самые красивые в мире женщины, и писал, что причина этому – «капли черной крови, которые есть во всех кубинках».

Впрочем, гаванская мулатка своей репутацией обязана и своему образу жизни. Мулатам и мулаткам, желавшим подняться по социальной лестнице, приходилось быть изобретательным. В 1950-е годы кубинский этнограф Лидия Кабрера изучала кубинские крылатые выражения, происходящие от африканских поговорок. Одна из них – «мулат на выдумки хитер».

²¹ Хочешь мулатку? (исп.)



На этой иллюстрации, изображающей бал-маскарад, толпа словно кружит вокруг загадочной мулатки. Из газеты *The Graphic*, 24 июня 1876 г.

Мулатка стояла на общественной лестнице выше, чем свободная чернокожая женщина, но ниже, чем белая. Человек смешанной расы продолжал считаться «цветным», хотя имел больше прав, чем чернокожий. «Цветных» не брали на определенные виды работ. Они не могли сесть на хорошие места в театре, их не пускали в некоторые рестораны. Они подвергались мелким унижениям, например, в документах их имена указывали без добавления «дон» или «донья». Как многие люди в середине социальной шкалы, люди смешанной расы придавали большое значение движению вверх, и для мулаток «ключом» к этому служили белые мужчины. Если мулатка рожала ребенка от белого мужчины, тот считался квартероном, что поднимало его на одну ступеньку выше по расовой социальной лестнице.

Богатые белые гаванцы, которых не мучили сомнения по поводу брачной неверности, были в курсе, что им доступны красивые мулатки. Все в Гаване знали это, но предпочитали не обсуждать. Обеспеченный отпрыск из семейства сахарных магнатов мог спать со своей мулаткой, дарить ей, как казалось, бесконечные подарки и даже обеспечить ей хороший дом в Гаване, но, если она хотела слишком много, он мог избавиться от нее. Поэтому мулатка должна была научиться хорошо играть свою роль. Она выживала с помощью собственной привлекательности.

Одна популярная в XIX веке песня, или *гуарача*²², посвященная мулатке, начинается словами *Yo soy la reina de las mujeres*:

²² Гуарача – популярный кубинский музыкальный жанр, представляющий собой сочетание танца, сольного и хорового пения и сатирических или двусмысленных текстов.

Я королева женщин
В этой земле обетованной.
Я сделана из сахара и огня;
Я – ключ к сердцу.

А потом припев:

Я не знаю, что у меня есть
И что меня мучает.
Ай-ая-ай!
Нечем вылечить мою болезнь.
Я – причина, по которой мужчины
Не любят своих маленьких женщин.
Ведь им до смерти хочется кое-чего от меня,
И я растапливаю их своим теплом.

* * *

Лучший способ понять культуру мулаток в Гаване XIX века – прочесть роман «Сесилия Вальдес», великое наследие, оставленное нам Сирило Вильяверде.

Вильяверде старше Марти более чем на поколение. Вильяверде родился в 1812 году – в год восстания рабов во главе с Апонте – в западной провинции Пинар-дель-Рио. Он был сыном деревенского доктора, жившего на сахарной плантации. В детстве будущий писатель увидел, как жестоко обращаются с рабами на плантациях, и пришел от этого в ужас. Повзрослев, Вильяверде перебрался в Гавану. Там он учился, получил степень по юриспруденции и параллельно начал писать. В 1848 году, когда он участвовал в неудачной попытке избавиться от испанского владычества, его арестовали и приговорили к каторжному труду в группе других осужденных, скованных кандалами вместе, но Вильяверде сумел сбежать и обосноваться в Нью-Йорке. Там он жил и писал более сорока лет, до конца своей жизни. Ему удалось увидеть конец эпохи рабства на Кубе, но избавления от испанцев писатель не дождался, умерев за четыре года до этого, в 1894 году.

Первый вариант «Сесилии Вальдес» Вильяверде написал в 1839 году в Гаване, но вскоре переделал роман. Он переписывал его еще несколько раз в Нью-Йорке. С каждым разом книга становилась длиннее и сложнее. Опубликовать ее удалось лишь в 1882 году и только в Нью-Йорке. Выпустить роман на Кубе получилось лишь после обретения независимости в 1903 году, и с тех пор «Сесилия» выдержала более пятнадцати переизданий. При всех трудностях постреволюционного государственного кубинского книгоиздания, когда из опубликованных книг лишь немногие, если они не были про Фиделя или Че (или про обоих), оставались в продаже больше чем на мгновение, «Сесилия Вальдес» была доступна всегда.

Говорили, что «Сесилия Вальдес» – это кубинская «Хижина дяди Тома», и в ней действительно горячо осуждается рабство и влияние рабства на общество. Но если книга Гарриет Бичер-Стоу в свое время стимулировала аболиционистское движение, а потом превратилась в редко читаемый исторический артефакт, то «Сесилия Вальдес» появилась в конце борьбы против рабства и легла в основу канона кубинской литературы.

Вильяверде, как многие кубинские изгнанники после него, всю жизнь тосковал по миру, который он никогда больше не увидит, и, переделывая книгу, переходил от темы собственно рабства к порождаемым им социальным болезням, что казались более живучими, – к расизму и

несправедливому отношению к женщинам, проблемам, которые действительно пережили рабство. Свой роман Вильяверде посвятил «женщинам Кубы».

Есть такие книги – «Дон Кихот» в Испании, «Отверженные» во Франции, «Война и мир» в России, «Приключения Гекльберри Финна» в Соединенных Штатах, – ставшие фундаментом культурного самосознания нации. В кубинской литературе это «Сесилия Вальдес». Хосе Марти, считающийся величайшим писателем Кубы, считал книгу Вильяверде незабываемым шедевром. Как «Гекльберри Финна» и другие произведения, получившие национальное признание, «Сесилию Вальдес» постоянно критикуют, но, если вы хотите поддерживать разговор о кубинской литературе, этот роман наряду с несколькими стихотворениями, эссе и письмами Марти, прочитать надо обязательно.

* * *

Сесилия – это не теряющий актуальности образ гаванской мулатки. От ее красоты перехватывает дыхание. Сладкая и огненная, она растопит своим теплом мужчин любого цвета кожи. Она не интриганка, но, будучи сиротой, привыкла сама заботиться о себе, то есть, в ее условиях, – иметь богатого белого поклонника. Ее полюбил юноша из разбогатевшей на сахаре аристократической семьи. Она ответила взаимностью. Конечно, никто не ждет, что юный богач женится на мулатке. Он обручен с белой девушкой из столь же аристократической семьи.

Сесилия считает себя сиротой – фамилию Вальдес в те времена часто давали сиротам, – но на самом деле ее мать – рабыня, а отец приходится отцом и ее богатому возлюбленному. То есть они единокровные брат и сестра, но не знают об этом. Отец порвал с любовницей, так и не узнав про дочь-мулатку. Сесилия не понимает, что против нее затевается игра.

Мать утонченного юноши, который любит Сесилию, – леди, судя по всему, умеющая тонко чувствовать, поскольку ей неприятно проводить каникулы на *инхенио* (так на Кубе называют сахарный завод), где невольников заставляют работать до смерти. Она не возражает против рабства и соглашается с доводом, что рабов надо наказывать, избивать или калечить, поскольку они такие дикие, что не понимают другого языка. Но смотреть на все это ей не хочется. Она мягкая. «Не скажешь ли ты еще, что эти африканские тюки имеют душу, не назовешь ли ты их ангелами?»²³ – спрашивает ее муж.

* * *

Как и в остальных карибских районах, прямизна волос, толщина губ, оттенок цвета ногтей на ногах – все возможные физические признаки – пристально рассматривались при определении степени чистоты расы. Цвет ладоней или форму носа многие тоже считали заслуживающим доверия показателем.

В случае с Сесилией, красивой сиротой неизвестного происхождения, нам сообщают: «Все же от опытного глаза не могло ускользнуть, что ее алые губки окаймлены темной полоской, а цвет кожи у самых волос становился темнее, словно переходя в полутень»²⁴.

Один из самых интересных примеров подобных наблюдений, которые и сегодня гаванцы делают в отношении друзей, соседей, работодателей и политиков, состоит в том, что лицо диктатора Батисты указывало знатокам расоведения на присутствие крови таино; а кровь таино когда-то считалась почти таким же проклятием, как африканская кровь. До того как Батиста

²³ Перевод Л. Покровской и П. Глазовой.

²⁴ Перевод Л. Покровской и П. Глазовой.

пришел к власти, его исключили из нескольких клубов за то, что он тайно, хоть и считалось, что их уже не существует. «Это видно по его лицу», – говорили тогда.

* * *

Сегодня, когда после отмены рабства на Кубе минули десятки лет, разговоры в Гаване изменились, но не сильно. Люди до сих пор шутят по поводу расовых признаков во внешности друг друга. *El que no tiene de Congo tiene de Carabalí*, – говорят в Гаване («Если в тебе нет крови конго, значит, есть карабали»). И тем и другим словом на Кубе называют африканские народы.

В середине XX века антрополог Фернандо Ортис заметил, что гаванские мужчины оценивают гаванских женщин точно так же, как они судят о гаванских сигарах. Табак, пишет он, «продукт бесконечных скрещиваний и смешений», бывает самых разных цветов. Нет двух одинаковых цветов, и у всех курильщиков есть свои любимые цвета: кларос, колорадо-кларос, колорадос, колорадо-мадурос²⁵ и так далее, список получается длинный. «Цвет двух разных типов сигар, – пишет Ортис, – как и цвет женских волос, нельзя свести к светлому и темному». Ортис фиксировал на Кубе и расизм и сексизм (здесь его предпочитают называть *мачисмо*), но также отмечал, что добродушные замечания о расе и поле считаются принятой нормой общения и беззлобными шутками.

²⁵ Названия разных видов табака в зависимости от их цвета. – *Примеч. перев.*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.